

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

ОБ УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ СУЛТАНА ВЕЛЕДА

Творческое наследие одного из первых турецких поэтов Бахаеддина Султана Веледа (1226–1312) включает в себя поэтические сочинения на персидском, анатолийско-туркском и греческом языках. Сам Султан Велед сообщает, что он сочинял стихи и на арабском языке (17, с. 394). В творчестве Султана Веледа воплотились многие особенности литературного процесса в Малой Азии 13–14 веков, что делает оправданным внимательное рассмотрение всего круга вопросов, связанных с жизнью и творчеством этого поэта. Одна из таких задач – уяснение комплекса влияний, которые определили развитие личности, а значит, и творчества поэта.

В становлении личности Султана Веледа основным и определяющим было влияние его дома, его семьи. Привлеченные славой Джеляледдина Руми – отца поэта, в его родном доме собирались ираноязычные поэмы и мистики. Так Султан Велед с юных лет познакомился с суфийскими религиозно-философскими идеями. Одновременно он на практике усвоил персидскую поэзию, ее поэтику и эстетику. Его "домашним" наставником был воспитатель Джеляледдина Руми, суфийский подвижник Сейид Бурханеддин Мухаккик (564/1168–639/1241), известный также как Сейид Сырдан (Тайновидец). Позднее его наставником стал перс Шемседдин Мухаммед Тебризи (убит в 645/1247 г.) – бродячий крайний суфий, эзотерист. Сам Султан Велед в поэме "Ибтида-наме" воздает хвалу своему тестю и, одновременно, шейху Салахеддину Фаридуну Зеркубу (ум. 657/1258 г.), которого Джеляледдин назначил своим халифа (заместителем). Как мюрид Султан Велед полностью подчинялся шейху Салахеддину, "был его рабом" (13, с. 19). Но решающее влияние на Султана Веледа оказал его отец – Джеляледдин Руми. Под его воздействием Султан Велед и сам склонился к философии суфизма. Надо отметить необыкновенное почитание Султаном Веледом своего отца. Благоговейное отношение к отцу поэт сохранял в продолжении всей своей долгой жизни, и, возможно, этим объясняется его столь настойчивая деятельность по распространению идей и тариката Руми. Таким образом, личность, мировоззрение, взгляды Султана Веледа были в основном сформированы религиозно-философско-поэтической атмосферой его дома, где преобладала иранская культурная традиция. Ее влияние сказывается даже на турецком языке Султана Веледа и его турецком произношении, в которых фиксируются элементы и конструкции, свойствен-

ные персидскому языку и совершенно чуждые народному анатолийско-туркскому языку 13 века (10, с. 19; 12, с. 100). Отметим, что указанная культурная ориентация семьи Султана Веледа – лишь частный случай более общей ситуации. При том, что в М.Азии 13 в. масса огузов оставалась кочевниками и сохраняла старые племенные, исконно турецкие традиции, в это же время здесь, как пишет турецкий ученый М.Ф.Кёпрюлюзаде, развилась цветущая городская жизнь с господствующим, бросающимся в глаза влиянием иранского Хорасана на все стороны этой жизни (6, с. 65). Не удивительно, что, живя в Анатолии, где уже преобладало тюркоязычное население, Султан Велед, тем не менее, стал персидским поэтом, поскольку, грубо говоря, 99% его литературного наследия – это сочинения на персидском языке.

В комплексе влияний, формировавших личность Султана Веледа, надо отметить достаточно сильное воздействие его греческого окружения. После смерти своей первой жены Джелаледдин Руми женился во второй раз на Кира-хатун – гречанке по происхождению. Семья Руми вообще была настроена грекофильски. В ней и жены, и няни были гречанки: Афьяки сообщает, что Султан Велед рос под присмотром няни-гречанки по имени Кирамана (13, с. 1). Позднее также гречанка стала женой Султана Веледа. Даже детям в семье Руми давали греческие прозвища: Эфендипуло – дочь Руми, Деспина – Дочь Амира Арифа Челеби, сына Султана Веледа (3, с. 208, 210). Укажем, что и в этом случае такое "семейное" греческое влияние было лишь отражением более общей ситуации. В середине 13 в. население Коньи составляло около 60 тысяч человек, из которых примерно 10% были немусульмане, значительную часть которых составляли греки (1, с. 141, 142, 147). Вообще, как отмечает американский ученый М.Ходжон, в 13–14 вв. тюркское государство в М.Азии "было под значительным греческим культурным влиянием – частично из-за того, что среди многих начальников были греки" (16, с. 425). Материальным воплощением этого влияния явились, в частности, греческие стихи Султана Веледа.

Третий элемент в рассматриваемом комплексе влияний – арабская культура. Султан Велед получил традиционное мусульманское образование. Он окончил конийское медресе "Акынджи", где посещал уроки у своего отца; для завершения образования вместе с братом Алаеддином был отправлен в Дамаск, затем – в г.Халеб (ныне Алеппо), где участвовал в богословских диспутах с арабскими учеными (13, с. 3). В 644/1246 г. поэт совершает свое второе путешествие в Дамаск. В свете этих фактов и с учетом, того, что вся деятельность мусуль-

манских богословов в то время могла происходить только на языке Корана – арабском, становится очевидным, что Султан Велед в совершенстве знал арабский язык; настолько, что мог и на нем писать стихи.

Последнее, на чем следует остановиться, – это воздействие на Султана Веледа тюркоязычной культуры, реализацией чего стали его тюркские стихи. Это воздействие также могло осуществляться прежде всего через Джалаледдина Руми, который знал хоросанско-тюркский язык (4, с. 32; 5, с. 131, 132). и писал на нем тюркские стихи (собраны в: 8; 9); кроме этого, – по-видимому, через наставника Султана Веледа, его деда по матери Шарафеддина Лала, в прошлом – самаркандского торговца. Однако, видимо, на этот раз главным было не домашнее влияние, как в случае с иранским элементом рассматриваемого комплекса, а внешнее, внесемейное – ведь с двух лет Султан Велед рос в Конье среди ее многонационального и многоязычного населения. Здесь следует уточнить слова М.Ф.Кёпрюлюзаде о господствующем влиянии иранского Хорасана на все стороны городской жизни в М.Азии 13 в. Исходя из подобных, весьма распространенных, высказываний, можно представить себе, что Конья была в то время чуть ли не иранским городом с господством иранской культуры. В связи с этим Ал.Бомбачи еще категоричнее заявляет, что сельджукская культура Анатолии относится к персидскому типу, хотя там и правила тюркская династия (2, с. 215). Между тем, иранское влияние, действительно, господствовало, но только среди прочих "иностранных" влияний – греческого, арабского, в то время, как господствующей основой – культурой, на которую действовали эти влияния, оставалась, безусловно, тюркская культура. В сельджукском государстве Конья была столицей султаната и его самым важным культурным центром. Она имела тесные связи с важнейшими городами Востока – арабским Халепом (Алеппо), который из-за многочисленности в нем турков называли "городом турков", и иранским Тебризом. Но при этом во всех областях жизни в Конье сохранялись и проявлялись, как подчеркивает современный турецкий ученый Т.Байкара, собственные тюркские особенности (1, с. 146).

Своеобразная культурная атмосфера этого города отразилась и в литературном творчестве Султана Веледа, которое поэтому является, между прочим, одним из ценных источников, по истории Коньи в 13 веке. В связи с этим Т.Байкара пишет: "Отчасти можно думать о неконийских влияниях у Мевляны, но Султан Велед совершенно и полностью принадлежит именно этой, конийской среде"(1, с. 11). Многоязычие в средневековых городах Ближнего и Среднего Востока –

заурядный факт, и три языка, которые Султан Велед использовал в своих произведениях, точно отражают тогдашнюю языковую ситуацию в Конье, где в IЗ веке "одинаково хорошо использовались и турецкий, и персидский, и греческий языки" (I6, с. 275). Тем не менее, источники сообщают, что среди населения Коньи в это время преобладали все же турки. Еще ранее, при завоевании византийских городов, турки в первую очередь обеспечивали собственную безопасность в городе, и поэтому его стратегически важные части заселялись только турками. Так, в окруженной крепостной стеной Конье в IЗ веке турки селились в ее северной части около дворца и городских ворот, занимая большую часть города, в остальной же его части жили немусульмане - армяне, греки, евреи, европейцы. После 618/1221 г. (т.е. уже до рождения Султана Веледа) основную и главную территорию города полностью заполняли исключительно турецкие кварталы, и, соответственно, подавляющее большинство населения города составляли турки, что должно было выражаться солидной цифрой при общей численности населения города в 60 тысяч человек. Это подтверждает и Афляки, который пишет, что в его время в Конье сосредоточилось многочисленное турецкое население (I, с. 44-51, 120). Эти факты позволяют полагать, что в Конье в IЗ веке господствующим среди населения (несмотря на упоминавшиеся "иностранное" влияния) оставался анатолийско-турецкий язык. Логично предположить, что влияние турецкой культуры на поэта осуществлялось посредством не только турецкого языка, но и - образцов литературы на нем, в частности, образцов народной турецкой поэзии. В связи со сказанным надо отметить, что переселение турков в М.Азию не составило преграды в развитии народного творчества как продолжения старых общетурецких традиций, которые турки в II-I2 вв. принесли в Анатолию из Средней и Центральной Азии (II, с. 4). Кроме того, в Анатолию в это время уже проникли мистические идеи и тюркоязычная поэзия крупнейшего поэта Средней Азии Ахмеда Есеви (477/1083-562/1166 г.), что способствовало применению в анатолийской поэзии турецкого языка, силлабического (народной) метрики и народных поэтических форм (7, с. 988-989). Вышепредложенное подтверждается исследованием турецких стихов Султана Веледа, в поэтике которых четко фиксируются элементы, характерные именно для народной турецкой поэзии (II, с. 15; 12, с. 66, 77; 14; 15).

Таким образом, Султан Велед, как и многие другие насельники М.Азии, рос и формировался как личность под влиянием четырех культурных традиций: арабской (медресе, богословская деятельность,

поездки в Сирию), персидской, греческой и турецкой (домашнее окружение, круг вхожих в дом людей, городская среда, мюриды Джемаледдина Руми, позднее - самого Султана Веледа, принадлежавшие к различным национальностям и слоям общества). Впоследствии все четыре указанные традиции в той или иной степени проявились в его литературном творчестве, которое по-своему отражает феномен синкретичности сельджукской культуры.

- I. T.Baykara. *Türkiye selçuklulati devrinde Konya*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı yayinlari (641), 1985. - 167 с.
2. А.Вомбачи. Турецкие литературы. Введение в историю и стиль. - Зарубежная тюркология. Выпуск I. Древние турецкие языки и литературы. М. "Наука", 1986, с. 191-293.
3. В.А.Гордлевский. Избранные сочинения. Том I. Исторические работы. М. "Наука", 1960. - 551 с.
4. В.Г.Гузев. Система турецких словоизменительных категорий в функционально-семантическом аспекте (на материале староанатолийско-турецкого языка). Диссертация (...) доктора филологических наук. Л. ЛГУ, 1986. - 421 с.
5. G.Doerfer. *Das Chorasantürkische*. - *Türk Dili Arastirmalari Yilligi Belleten*. 1977. Ankara, 1978, s. 127-204.
6. М.Ф.Кöprülüzade. *Anatolyada Islâmîyet*. Istanbul, 1922.
7. М.Ф.Кöprülüzade. *Littérature turque Othmanli*. - *Encyclopédie de l'Islâm*. Tome 4. Leide: Librairie et Imprimerie - Paris: Librairie C.Klincksieck, 1934, s. 988-1010.
8. М.Мansuroglu. *Calaladdin Rumi's türkische Verse*. - *Ural-Altäische Jahrbücher*, B.24, Heft 3-4, Wiesbaden, 1952, s. 106-115.
9. М.Мansuroglu. *Mevlâna Celaleddin Rumi'de Türkçe beyit ve ibareler*. Ankara: Türk Dili Kurumu Yayinlari, Belleten, 1954.
10. W.Radloff. *Über alttürkische Dialekte*. 1. Die seldschukischen Verse im Rebâb- Nâmeh. - *Mélanges Asiatiques*, T.10, L. 1, СПб., 1890, с. 17-77.
11. St.Rymkiewicz. *Gazele Sultana Veleda*. - *Przegląd orientalistyczny*, Warszawa, 1962, № 1, с. 3-17.
12. St.Rymkiewicz. *Beitrag zur Entwicklung des Reims in der türkischen Kunstliteratur*. - *Rocznik Orientalistyczny*, t.27, z. 1, Warszawa, 1963, с. 45-102.
13. Ф.Н.Узлук. *Divani Sultan Veled*. Istanbul: Uzluk Basimevi, 1941.
14. М.С.Фомкин. Вопросы эвфонии турецкой газели Султана Веледа. - Советская тюркология, 1985, № 2, с. 21-27.
15. М.С.Фомкин. Некоторые особенности поэтики турецких газелей

- Султана Веледа. - III и ПИФВ-19, ч. I, М., 1986, с. 188-195.
16. M.G.S.Hodgson. The Venture of Islam. Vol. 2. The Expansion of Islam in the Middle Periods. Chicago: The University of Chicago Press, 1974. - VIII + 609 с.
17. /Дж.Хумаи/ Валад-нама. Маснави-и Валади. Ба таских ва муқаддама-и Джалал Хумаи. Техран: Китабхана-и Иқбал, 1315/1936.

С.Хойслер

**ФУНКЦИИ "КОРМЛЕНИЯ" И СОВМЕСТНОЙ ТРАПЕЗЫ В
"ЖИЗНЕОПИСАНИИ ШЕСТЕРЫХ ВАССАЛОВ" НАМ ХЁОНА**

"Жизнеописание шестерых вассалов" ("Юксин джон") написано корейским ученым и литератором Нам Хёном (1454-1492) во второй половине XV века на ханмуне (корейизированном варианте древнекитайского языка). В произведение входят жизнеописания выдающихся ученых, поэтов, политических деятелей Кореи середины XV века - жизнеописания Сон Саммуча, Пак Пхэннёна, Ли Гэ, Ха Виджи, Лю Сонвона и Ю Ынбу. Все они были казнены в результате неудавшегося дворцового переворота, поднятого ими в 1456 году с целью восстановления на престоле законного государя Танджона (1453-1455), свергнутого узурпатором Седжо (1455-1468). Еще долго после жестокой расправы Седжо с участниками заговора 1456 г. деяния этих шестерых образцовых подданных-конфуцианцев волновали умы образованных людей в Корее. Имена их стали символами преданных государю подданных, и шире - верных своим принципам людей. В историю они вошли как "Сарюксин" - "Шестеро казнённых вассалов". Некоторые из них - Пак Пхэннён, Сон Саммун и Ли Гэ - принимали активное участие в создании корейской национальной письменности.

Произведение Нам Хёна известно нам в двух вариантах. Кроме упомянутого выше варианта "Юксин джон" существует вариант, имеющий название "Пу юксин джон" - "Жизнеописание шестерых вассалов с приложениями". В него помимо жизнеописания "Шестерых вассалов" включены жизнеописания близких им по духу или - судьбе людей: жизнеописания Чон Бона, Хо Ху, Ли Чинока, Ким Сисыпа, а также самого автора "Юксин джон" - Нам Хёна.

Центральная проблема в каждом из входящих в "Юксин джон" и "Пу юксин джон" жизнеописаний - оценка данной личностью (героем жизнеописания) незаконных действий узурпатора Седжо и ее реакция на эти действия. Герои жизнеописаний определяют свою позицию в